

Культура

Русские Трёхречья: фольклор как основа сохранения идентичности в китайской среде

© 2016

А.А. Забияко, А.П. Забияко

Статья посвящена этнокультурным стратегиям сохранения русской идентичности в китайской среде. Авторы приходят к выводу, что одной из важнейших основ сохранения русской идентичности являются язык и фольклорные жанры. *Ключевые слова:* эмиграция, Трёхречье, Китай, фольклор, историческая память, этнокультурная идентичность.

В последние два десятилетия история и культура восточной и, прежде всего, дальневосточной ветви русской эмиграции стали предметом обстоятельных исследований и публикаций¹. В центре внимания исследователей оказался Харбин и отчасти другие поселения по линии КВЖД. Харбин заслуженно может претендовать на статус средоточия русской эмигрантской культуры Дальнего Востока. В Харбине и прилегающих станциях КВЖД в ходе нескольких волн заселения — добровольного или вынужденного — сложилась наиболее крупная русская диаспора, численность которой достигала в 1920–1930 гг. более двухсот тысяч человек. Миграционные потоки принесли в Харбин из России представителей практически всех сословий и культурных страт — от «старорусских» крестьян-старообрядцев до рафинированной богемы, грезившей идеалами Серебряного века. Очень высоким был образовательный уровень населения, который опирался на традиции дореволюционного образования и поддерживался школами, гимназиями, институтами, научно-просветительскими обществами, музеями и т.д. Этому образовательному уровню соответствовал и уровень культурных запросов на музыку разных жанров, балет, театр и, конечно, в первую очередь — литературу, словесность.

Словесное творчество на родном языке — неиссякаемый источник сохранения национальной исторической памяти, воспроизведения и развития языкового мышления, его комбинаторных возможностей — как в масштабах личности, одной семьи, так

Забияко Анна Анатольевна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой литературы и мировой художественной культуры Амурского гос. ун-та (г. Благовещенск). E-mail: sciencia@yandex.ru.

Забияко Андрей Павлович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой религиоведения и истории Амурского гос. ун-та (г. Благовещенск). E-mail: sciencia@yandex.ru.

Публикация подготовлена в рамках гранта РНФ (№ 14–18–00308): «Этнические миграции как фактор цивилизационных взаимодействий и социокультурных трансформаций в Восточной Азии (история и современность)».

и целой диаспоры. Отсюда — всеобщий интерес к литературе и повальное увлечение ею в харбинской образованной среде, а затем и шанхайской. Первым этапом стала «консервация» литературных моделей и образов предреволюционной поры — эпохи Серебряного века². А затем, на основе усвоенных и переработанных образцов, развилось свое, «региональное» направление литературы дальневосточной эмиграции, характеризующееся особой жанрово-стилистической, а главное — тематической спецификой³. В литературном творчестве дальневосточных эмигрантов сказалось их отношение к России и русскости, восприятие Китая и самих себя в инокультуре, стремление прояснить свои связи с культурой и литературой ушедшей России, западного зарубежья и молодой Советской России.

Как бы ни сетовали впоследствии выехавшие из Китая писатели и поэты на свою изолированность от России, на отсутствие крупных талантов и порожденное этим «мелкотемье» литературных произведений⁴, они практически не были стеснены рамками идеологической цензуры в своем жанрово-тематическом поиске, не ограничены в выборе литературных образцов и стилистической манеры. Молодые писатели и поэты развивались в атмосфере литературных объединений («Молодая Чураевка» в Харбине, «Понедельник» и «Пятница» в Шанхае), в соперничестве литературных поколений. В преемственности культурных и литературных традиций и стремлении к новому рождалось то уникальное самосознание дальневосточной эмиграции, что отличало ее уже в иных географических пределах — в Израиле, Канаде, России, Америке, Бразилии. Публикации, хоть и малотиражные, сочинений дальневосточных эмигрантов, издание большого количества журналов и газет («Рубеж», «Рупор», «Заря», «Молодая Чураевка», «Луч Азии», «Гун-бао» и др.), в том числе — и для самых маленьких читателей («Ласточка», «Маленький читатель «Рубежа»»), культурно-просветительская работа, осуществляемая различными организациями (Христианским союзом молодых людей, театрами, кинематографом), наконец, образовательная среда русского Харбина (от первых ступеней начальных классов школ и гимназий до академических лекций университетских профессоров Политехникума, Коммерческого колледжа и т.д.) позволили русским беженцам не только сохранить, но и развить весь тот культурный, литературный потенциал, что был накоплен до изгнания русским национальным сознанием.

Культура русского Харбина — впечатляющий образец культуры, сложившейся в дальневосточном порубежье на стыке русской и китайской культур. Харбинская культура демонстрирует отчетливо выраженную тенденцию к консервации русскости — так, как она была понята русской диаспорой. Важнейшим способом консервации и трансляции русскости, русской идентичности для харбинской диаспоры была литература и другие «высокие» формы культуры. Этнокультурная стратегия харбинской диаспоры не могла быть, однако, универсальным образцом для всех русских этнических сообществ, развивавшихся в китайской культурной среде.

Задолго до строительства Харбина и КВЖД в Северо-Восточном Китае, Маньчжурии, было положено начало формированию другого русского анклава. В середине XVII века, когда значительная часть огромной территории современного Северо-Восточного Китая, Забайкалья и Приамурья еще не имела закрепленного межгосударственными договорами статуса, на правом берегу реки Аргунь, приток Амура, начали переселяться русские. Во второй половине века по условиям Нерчинского договора 1689 г. этот край официально отошел к Китаю. Однако в силу удаленности от основной части Цинской империи и малочисленности населения правобережье Аргуни и, прежде всего, бассейн трех ее притоков — рек Ган, Дербул и Хаул оставались территорией, на которой временно или постоянно проживали русские. До середины XIX в. русское население было малочисленным. Оно состояло из промысловиков, казаков, уходивших из родных деревень российского левобережья Аргуни через границу в Китай на охоту и покос сена, строивших там временное жильё — заимки, а также из беглых преступников, каторжан. Во вто-

рой половине XIX века русское население начинает быстро расти и обустроиваться: строятся традиционные русские избы, закладываются деревни. Китайские власти этому не препятствовали, поскольку благодаря труду русских земледельцев и предприимчивости купечества край начал экономически развиваться, принося через налоги деньги в казну разоренной войнами Цинской империи. Русские деревни становились пунктами притяжения для китайских крестьян, оседавших рядом с русскими, и местного монгольского, бурятского, тунгусского населения, включавшегося в обмен товарами и культурными навыками. Начал формироваться полиэтничный — преимущественно русский — анклав, получавший название Трёхречье (кит. *саньхэ цюй*).

В 20-х годах XX века в Трёхречье существовало более двадцати основанных и заселенных почти поголовно русскими деревень (русские — 2130 человек, 92%; китайцы — 200 человек, 8% населения). Трёхречье входило в состав более крупного территориального образования, которое называлось Барга (Хулуьбуир). В силу пограничного с Россией положения и присутствия КВЖД территория Барги тоже в значительной мере была населена русскими (русские — 4619 человек, 46%; китайцы — 22%; другие этносы — 3110 человек, 32%)⁵.

В 20–30-е годы события Гражданской войны и коллективизации стали причиной роста в Трёхречье русского населения за счет беженцев и враждебных Советской власти, прежде всего, казачьих формирований. По разным данным, в 1930-е годы здесь проживало около 20 тыс. людей, относившихся к группе русских. Увеличение миграционного потока за счет выходцев из России не привело, однако, в отличие от Харбина, к существенному изменению социокультурного состава населения: оно по-прежнему оставалось преимущественно казачьим и крестьянским, укорененным в традиционной культуре русской забайкальской деревни⁶.

Историческая судьба этого населения со времени конца Гражданской войны представляет собой череду преодолений тяжелейших внешних испытаний. Жители Трёхречья страдали и от белогвардейцев атамана Семёнова, и от карательных набегов красных отрядов, совершавших рейды на китайскую территорию, и от японской военщины, захватившей Маньчжурию в 1931–1945 гг. Победа над Японией и образование КНР обернулись для русских Трёхречья вначале репрессиями по обвинению в пособничестве белым и японцам со стороны советской власти, арестами, насильной или полудобровольной высылкой в СССР; потом, в годы «культурной революции» и борьбы с «советским империализмом», — репрессиями со стороны китайских властей по обвинению в пособничестве СССР. Более 50 лет политический террор, демографические тиски, экономические тяготы, культурные и образовательные ограничения разрушали русскую диаспору Трёхречья. Удивительно, но она сохранилась. В настоящее время в Трёхречье существует несколько деревень, где живут потомки русских поселенцев, в основном — люди, родившиеся в смешанных браках («полукровцы», как они себя называют). По разным данным, к таким русским себя относит более тысячи человек⁷. Это люди в возрасте преимущественно старше пятидесяти. Для их жизни характерен деревенский уклад, они заняты крестьянским трудом, в последние 20 лет некоторые сочетают его с мелкой торговлей и обслуживанием туризма. Русских школ здесь нет уже более полувека. Многие жители старшего поколения не смогли из-за бедности многодетных семей, тягот послевоенных лет и событий «культурной революции» получить даже начальное или среднее образование в китайских школах, поэтому остались неграмотными или малограмотными. В условиях практически полной на протяжении 40 лет изоляции от России, ее языка, литературы, музыки и других сторон культуры потомки русских в Трёхречье, тем не менее, сохранили русское этническое самосознание и некоторые основы русской культуры⁸.

В мае—июне 2015 г. (при участии Я.В. Зиненко, Чжан Жуяна, Ван Цзяньлиня) и октябре 2015 г. (при участии Чжан Жуяна) авторами статьи были проведены полевые исследования в среде русских жителей деревень Трёхречья — Саньхэ (Драгоценка), Эньхэ

(Караванная), Шивэй (Олочи), Шанкули (Покровка), Лабдарин (ныне — город). Нами были опрошены десятки людей. Для осмысления степени и характера сохранения основ русскости, русской идентичности наиболее информативными нам представляются материалы, собранные в процессе общения с некоторыми из информантов (25 человек): Иван Васильевич Васильев (92 года, 1923–2015, Эньхэ), Владимир Васильев (59 лет, 1956 г.р., Эньхэ), Тамара Васильевна Ерохина (76 лет, 1939 г.р., Эньхэ), Екатерина Александровна Литвинцева (73 года, 1942 г.р., Эньхэ), Таисья Николаевна Петухова (84 года, 1931 г.р., Эньхэ), Василий Зоркальцев (71 год, 1944 г.р., Эньхэ), Анна Первоухина (Дементьева) (63 года, 1953 г.р., Эньхэ), Иван Дементьев (70 лет, 1945 г.р., Эньхэ), Александр (Шурка) Чешунов (78 лет, 1938 г.р., Эньхэ), София Зоркальцева (70 лет, 1945 г.р., Лабдарин), Галина Зоркальцева (68 лет, 1947 г.р., Лабдарин), Мария Михайловна Андреева (73 года, 1942 г.р., Лабдарин), Елизавета Фомина (74 года, 1941 г.р., Лабдарин), Клавдия Ушакова (81 год, 1934 г.р., Лабдарин), Варвара Ушакова (70 лет, 1945 г.р., Лабдарин), Галина Филюшина (58 лет, 1958 г.р., Лабдарин), Павел Зоркальцев (Сунь) (ок. 35 лет, Лабдарин), Лидия Коротникова (73 года, 1942 г.р., Шивэй), Альгея Астафьева (80 лет, 1935 г.р., Шанкули), Христина Васильевна Литвинцева (88 лет, 1928 г.р., Шанкули) и др.

Для темы исследования важно, что большинство из наших информантов, хорошо владея русским языком, являются носителями русского фольклора. Современное бытование русского фольклора в среде русскоязычных потомков Трёхречья позволяет сделать любопытные наблюдения о том, какие жанры оказались наиболее востребованными в наши дни, какие сохранили для них свою не просто эстетическую привлекательность, но и языковую, этнокультурную информативность и содержательность.

В настоящее время на посиделках исполняются песни и частушки (которые также можно рассматривать как короткие песни), жанры, наиболее актуальные для этих возрастных групп. Очевидно, что в подобном жанровом предпочтении сказывается и прагматика песенных жанров, и их эмоциональное воздействие: «Сказка — враль; песня — быть» [Л. Коротникова]. При этом песни могут быть как фольклорного, так и литературного происхождения, но это не фиксируется исполнителями — тексты песен усваивались и передавались в течение десятков лет устно, со многими искажениями и добавлениями. К таким песням, например, относятся «По диким степям Забайкалья», «Зачем же я вас, родненький узнала...», «Варяг», «Как родная меня мать провожала...», «Рябина кудрявая», «Ой, цветет калина».

Особый интерес с точки зрения ее бытования в среде потомков русских эмигрантов представляет песня «Уходил я на фронт Жалайнора»:

*Уходил я на фронт Жалайнора,
На защиту советских границ,
Уходил я на фронт Жалайнора
На защиту советских границ.*

*Уходил — мне жена говорила,
Что «вернися обратно живым,
Я тебя никогда не забуду
И ты будешь навеки моим».*

*Много время прошло с раставанья,
Много писем писал я жене,
Я писал, что вернуса обратно,
Я не знал, что случиться беде.*

*Это дело был`о на рассвете,
Начинались [ниравны] бои.
Шел вперед я со своею тишихотай,
Рв`ались мины и слышен был бой.*

*Тут меня оглушило снарядом,
Я без памяти долго лежал.
Тут меня оглушило снарядом,
Я без памяти долго лежал.*

*Крикнул раз — поскорее товарищ,
Сильно болью свищало в ногах,
Крикнул раз — да поскорее, товарищ,
Сильно болью свищало в ногах.*

*Костылем тык я стучу Христа ради —
Пропустите калеку войны,
Дайте пару стаканов мне водки:
Порешился молодой я жены!*

*С молодой женой любовался
Любовался ее красотой,
Наступило суровое время,
Нашу жись разлучило с тобой.*

[К. Ушакова]

Очевидно, что песня была создана на советской территории и постепенно проникла в фольклор трёхреченцев. Из реалий, зафиксированных в песне, следует, что речь идет о событиях августа-ноября 1929 г. — советско-китайском вооруженном конфликте на КВЖД⁹. Материалы архивной хроники свидетельствуют: 29 июля 1929 г. на ст. Чжалайно́р «разгрузился эшелон китайских войск. Всего на линии КВЖД китайцы сосредоточили до 5 полков пехоты»¹⁰; 28 июня 1929 г. был издан Приказ РВС СССР о создании Особой Дальневосточной армии (ОДВА). 28 августа 1929 г., по данным советской разведки, в р-не городов Манчжурия — Чжалайно́р было «сосредоточено 3 пехотные бригады китайских войск, 1 кавполк, 1 бронепоезд, 60 пулеметов, 60 бомбометов, 12 орудий». Постоянные вооруженные столкновения на советской и китайской территории, инспирируемые с обеих сторон, приводили к человеческим жертвам. При этом страдали в первую очередь мирные жители — достаточно вспомнить кровавые события в Трёхречье 28 августа — 1 сентября 1929 г. В эти дни безвинно уничтожены войсками НКВД, переправившимися на территорию Китая, целые казачьи поселки на территории Трёхречья, жестокая расправа коснулась всех — от мала до велика.

В исполнении Клавдии Ушаковой это — «старинна-старинна» песня, а ее сестра Варвара песню «не слыхала никогда». Исторический контекст песни вытеснен традиционной тематикой солдатской песни: муж приходит с фронта калекой, лишается любимой молодой жены. Чжалайно́р (*Жалайно́р*) становится той топонимической координатой, что ментально и эмоционально приближает содержание песни к переживаниям исполнительницы. А «защита советских границ» — образом, отвечающим настроениям трёхреченцев уже послевоенных лет; именно тогда и была усвоена песня нашей информанткой.

Приход советских войск на эти земли и освобождение от ненавистных японцев породили всплеск патриотических настроений в русской среде Трёхречья. В 1945 г. песенный запас трёхреченских русских пополнился советскими песнями военной поры

(«Катюша», «На позицию девушка провожала бойца», «Вставай, страна огромная» и др.). В словоупотреблении знаменитой песельницы Трёхречья Таисьи Николаевны Петуховой (Эньхэ) это — «ваши новы песни».

Сегодня некоторые новые песни приходят к трёхреченским «русским» из Синьцзяна — от таких же «полукровцев»: «В Синьцзяне много русских. Они там разные метисы — с бурятами, с монголами» (В. Зоркальцев). Так пришла в Караванную «новая» песня «Шумит Байкал»:

*Шумит Байкал, шумит седой,
Волнуется, играет,
Мы радостны встречать с тобой
Мой вольный край.
И там, где полно синих гор,
Я девушку видал.
У ней такой же синий взор,
Как у тебя, Байкал.
Хочу тебе я другом быть,
Всю правду рассказать,
Хочу я девушку любить —
Плечом к плечу стоять.
Вот едет поезд на восток,
На запад еду я,
Я знаю, будет жизнь стройна:
Не будешь жить одна.
Я буду девушку любить,
Как кончится война*

[В. Зоркальцев]

Исполнение и «старинных», и «новых» песен нашими информантами носит типологически сходный характер: часть реалий (топонимического, социокультурного, общеупотребительного характера) им абсолютно незнакома (например, название легендарного корабля «Варяг»), «додумывание» этих реалий сродни действию механизма «детской этимологии», например: «Врагу не сдастся наш гордый *морьяк*, / Пощады ништо ни жилаит», «Гатовыи к бою орудия в ряд / На *солнце злодейства* сверкают!» [К. Ушакова]. «Солнце злодейства» — образ далеко не случайный, это — символ знамени японской армии, в сознании трёхреченских русских — злейшего врага, так как от японцев они много пострадали в период «войны с японцами» в 1931–1945 гг.: «Я их не простила. И детям сказала — ни прашшу, и вам запыршаю. И гоню ихых туристов, када они ко мне приходят» [Т.Н. Петухова].

Как следует из интервью с нашими информантами из Эньхэ, Шивэй, Лабдарина, наряду с лирическими песнями во время праздников трёхреченские русские исполняли и исполняют частушки (припевки):

*Мой миленок — виноград,
Идет по улочке — играт;
Он — играт, а я — пою,
Висило в нашем краю!*
[Т.Н. Петухова]

Частушки в Трёхречье по традиции пелись девушками и парнями, затем, с течением времени — женщинами либо мужчинами средних лет, теперь — в основном «старушками», по их самоопределению, — стариков осталось немного.

Исполнение осуществлялось под балалайку и под гармонь («Гармоника играет — водки выпьем, ночь гуляим, утром уснем — уже солнце взойдет» [В. Зоркальцев]). В настоящее время осталась гармонь, но балалайка жива в «памяти текста» частушки:

*Ой, девки, беда:
Балалаечка худа!
Надо деньги копить —
Балалаечку купить!*
[В. Зоркальцев]

Кстати, именно так наш информант и поступил: попросил русских водителей привезти из России балалайку и сам худо-бедно выучился на ней играть. Частушка, по общему мнению, жанр «сиюминутный» — в нем отражаются личные чаяния и переживания сегодняшнего дня: любовные, социальные, политические и т.д. Ныне в Трёхречье эта сиюминутность, злободневность частушки утрачена, современные реалии жизни не продуцируют массового рождения частушек, кроме следующих:

*Наша речка неглубока:
Видно камушки,
Наши девки не гуляют,
Записались в бабушки.*
[Т.Н. Петухова]

Как видно, сам механизм порождения частушечного текста сохраняется — в данном случае он построен на параллелизме и юмористическом уподоблении природных и антропологических реалий. Действительно, со временем река Хаул в Караванной (Эньхэ) обмелела, рыба из нее ушла; бывшие молодки постарели, «записались в бабушки».

Частушка может возникнуть в результате жанровой трансформации — например, из небылицы (бытующей в современном русском фольклоре)¹¹, совпадающей по ритмическим и синтаксическим параметрам с частушкой. Так, Таисья Николаевна Петухова в разговоре с нами вдруг спонтанно произносит речитативом:

*Между небом и землею
Поросенок вился
И нечаянно хвостом
За небо зацепился!*

И, смеясь, поясняет: «Так вот и я в Китае зацепилась!»

Таисья Николаевна — известная по всему Трёхречью «Таиска Петухова», единственная оставшаяся чистокровная русская (имеющая, к тому же, русский паспорт) — личность, не только хранящая в памяти фольклорные тексты, но и человек, способный на импровизацию по известным жанровым образцам. Обычно же при исполнении частушек в среде потомков русских эмигрантов Трёхречья и исполнитель, и слушатель словно погружаются в атмосферу 50-х гг. прошлого века, когда сегодняшние «старушки» были еще молоды — с той поры корпус частушек почти не пополнился. В целом жанрово-тематический репертуар популярных в настоящее время среди трёхреченских русских частушек (припевок) весьма разнообразен и репрезентативен с точки зрения их поэтики, региональной специфики, этнокультурной установки, отношения к реалиям

уже прошедшей эпохи (военным событиям, работе в коммуне («совхозе»), обустройству личной жизни).

Самый большой корпус трёхреченских частушек составляют любовные частушки, что вполне естественно для бытования частушечного жанра. В этих разнообразных по своей поэтике и композиционному строению текстах отражены переживания молодых девушек по поводу взаимоотношений с возлюбленным и замужества:

*Хорошо ту травку к`осить,
Катора сама косица;
Хорошо тою любить,
Катора сама просица.*

*Не ходи, подружка, замуж,
Под венцом не удержатъ,
Руки под венцом распустишь,
И свечу не удержатъ.*

[Т.Н. Петухова]

*Старый мостик изломался —
Новенький построился.
Старый милый отказался —
Новенький настроился!
Через речку две дощечки
Мне кричали: упадешь!
С малых лет кого полюбишь —
За того не попадешь!*

[Л. Коротникова]

Предпочитаемый цикл любовных частушек — «Подружка», носящий диалоговую форму и имеющий в основном сатирический характер. Его слова известны информантам всех поселков, где собирались полевые материалы. В них высмеиваются разные стороны взаимоотношений между полами: характеры двух подружек, неверная подружка, уводящая возлюбленного, непутевый возлюбленный:

*— Подружка моя,
Давай садики садить,
Чтобы нашим ухажерам
Было весело ходить.*

*— Подружка моя,
Я не буду их садить,
Чтобы наши ухажеры
Перестали к нам ходить.*

*— Подружка моя,
У нас Санечка один.
Ты ревнуешь — я ревную,
Давай лучше продадим?*

*— Подружка моя,
Я как мы будем продавать:
Нам не стыдно с тобой будет
На базаре с ним стоять?*

[Т.Н. Петухова]

Нами были записаны юмористические частушки о межнациональных браках китайских мужчин и русских девушек. При этом сами исполнительницы (Таисья Николаевна Петухова, Клавдия и Варвара Ушаковы) замужем за китайцами, сестры Ушаковы рождены в межнациональном браке. Решающую роль здесь играет этнокультурная идентичность исполнительниц — они считают себя русскими (этнических же китайнок именуют «китаюхами»). В частушках нашла отражение непривычность китайской кухни для русских женщин. Например, отсутствие в рационе китайцев привычного хлеба:

*Ой, милочка моя,
Почему ты похудела?
— За китайцем я была,
С пару манты ела.*

[Т.Н. Петухова]

Или способность китайцев употреблять в пищу самые невообразимые для русского желудка продукты (в том числе, приготовление в некоторых провинциях — Гуанчжоу, Гуандун мяса кошки; возможно, речь и идет о выходцах из этих мест):

*Ты китаец, ты китаец —
Ты не русский человек,
Кошку жарил, хвост оставил
Своей женке на обед*

[Т.Н. Петухова]

Стоит обратить внимание — в частушке китаец оставил своей жене «хвост от кошки» — лакомый кусочек, так как хрящи в китайской кухне — лакомство. То есть ироническому осмыслению подвергается только «инаковость» китайца, проявленная в необычности его гастрономических пристрастий.

Разные привычки в быту также становились объектом юмористического изображения в частушке. Русским чистоплотным женщинам (их дочери сегодня, весьма аккуратные в обустройстве жилища, — той чистоплотности подтверждение), возможно, претила определенная неряшливость их мужей — рабочих и крестьян:

*Я не раз и не два
В этой баньке парилась;
На китайцеву тужурку
Это зря позарилась!*

[К. Ушакова]

Хотя, возможно, в этой частушке речь идет о специфическом запахе чеснока, исходящем от китайцев, добавляющих чеснок почти во все блюда. В повести А. Несмелова «Драгоценные камни» есть характерный фрагмент, когда два русских молодца спускаются в «тесный трюм, где нестерпимо пахло чесноком», «в отравленный чесночной вонью трюм старого парохода»), чтобы полюбоваться на красивую девушку из «окитаенной деревни», желающую быть похожей на китайку («Моя боится ламоза») и быстро оттуда ретируются («Да и вонько тут, с души воротит»)¹². Девушку, красящую волосы в черный цвет и сурмящую брови под китайку, этот запах отнюдь не смущает.

В целом же, этническая установка по отношению к китайцам у русских трёхреченцев была позитивна — так, Таисья Николаевна Петухова на вопрос: «А как жили с китайцами-то?» — отвечает, не задумываясь: «Хорошо жили, дружно». Незлобивый и созерцательный национальный характер трудолюбивых китайцев отражен в частушке:

*Тирьда по воду поехал,
Тирьда за угол задел,
Тирьда бочку опрокинул,
Тирьда песенку запел!*

[Т.Н. Петухова]

В популярных трёхреченских частушках нашли отражение и события военных лет. Учитывая, что Трёхречье постоянно находилось в «боевой готовности» — сначала революция и Гражданская война, затем — печально знаменитая Трёхреченская резня 1929 г., когда с советской стороны был совершен бандитский налет на казачьи села и уничтожено все население отдельных сел от мала до велика¹³, наконец, 14-летнее напряжение на российско-китайской границе с момента образования марионеточного государства Маньчжоу-го, время создания или усвоения частушек идентифицировать трудно. Скорее всего, данная частушка возникла еще в годы Гражданской войны:

*Стрелю, стрелю из винтовочки
Под самы небеса:
Не шевельте мою шмарочку,
Не делайте греха!*

[Т.Н. Петухова]

Следующая частушка типологически совпадает с частушкой довоенной поры, в годы Великой отечественной войны известной на территории советской Сибири и Забайкалья¹⁴, а после прихода Советской Армии в Китай усвоенной благодарными трёхреченцами:

*Девушки, зима — не лето,
Не посеешь в поле рожь
Девушки, военно время —
Не полюбишь кого хошь.*

[Т.Н. Петухова]

Перекочевавшие вслед за этим из СССР реалии колхозной жизни также нашли отклик в песенном творчестве:

*Моя милка — трактористка,
Не уgonишься за ней:
Вечером в клубу артисткой,
Днем — ударницей полей!*

[Л. Коротникова]

От чуткого сознания трёхреченцев, бойких на язык, не укрылись и тяжелые страницы жизни их советских собратьев:

*Когда Ленин умирал,
Сталину наказывал:
Хлеб по пайке выдавай,
Мяса не показывай!*

[В. Ушакова]

При этом в восприятии трёхреченцев органично уживается и агиографический образ того же Сталина: «А вы как про Сталина думаете? Я-то так думаю: он был большой человек» [В. Зоркальцев]. Очевидно, что в этом сказывается результат воздействия официальной пропаганды. Так фольклорное слово оказывается более адекватным историческим фактам и народному пониманию сути явлений.

Кроме лирических жанров (припевок, лирических песен), нами были записаны эпические жанры (паремии, сказки, былички, бывальщины, легенды, мемораты); зафиксированы описания обрядов перехода. «У нас свадьбы играли по русскому обычаю, у нас батюшка был, венчались. Я все время как услышу колокол — в церкву и полечу, колокол разный: как к обедне расходятся, как свадьба — все колокол. Я по-китайски замуж вышла, но и по-русски кони запрягали, пары бегали, угощали по-русски. Одевались невесты и женихи под венец — фата, цветы.

Девичник был, в бане косу расплетали девушке и сейчас даже из-за стола выдают девушку, да, сейчас скоко девушек у нас ушло замуж, всех из-за стола выдавали, потом жених приедет за невестой, выкупает по-русски, есть вот он берет китайску девку или может полукровочку берет, все равно так молоды ребята сохраняют.

На Троицу у нас те года весело было. Раньше на Троицу гуляли, обливаются, ой, весело даже в речку бросали.

Масленицу празднуем, коды Масленка проходит, пойдет прощенный день, и я потом 7 недель с прощеного дня, 7 недель постных до Пасхи, все постно кушаю, ни молоко, ниче — все постно кушаю.

На святки машкоровались [*маскировались*], ходили: ты оденешься, чтоб тебя не узнали, на лицо всяко; которы сами себя разукрасят, потом на Рождестве славили детишки, потом вечером со звездой ходили, утро Рождество пели. Ворожить — на русский Новый год, ворожат, он у нас 14. Рождество пройдем, ворожат. Всяко ворожили, девушки ворожили, я видала, зеркало наводили, кольцо ложили, в стакан воду нальют, спустят, две свечи горят и вот замечают, кто выйдет, то ли, думаю, правда, то ли — не знаю, но видала» [Т.Н. Петухова].

Несмотря на элементы этнокультурного синкретизма, обусловленного тесным взаимодействием русского и китайского начал в сознании трёхреченских русских, эти жанры бытуют на русском языке. «Это моя бабушка рассказывала», «наша мама говорила», «мама наказывала» — такие фразы предваряют воспоминания, исполнение той или иной песни, рассказывание былички и т.д. Обращение к жанрам русского фольклора «полукровцев» — действенный механизм поддержания ими своей русской идентичности.

Социокультурные особенности русской диаспоры Трёхречья обусловили то обстоятельство, что не литература и другие формы «высокой» культуры стали основой сохранения русской традиции, а именно русский фольклор выполнял задачи фиксации, сохранения и трансляции исторической памяти, важнейших преставлений о *своем* и *чужом*, *добре* и *зле*, *праведном* и *неправедном*. Яркие фольклорные формы, четкость и выразительность смыслов фольклорных образов и сюжетов стимулировали в сообществе эмигрантов и их потомков сохранение важнейшего фундамента национальной идентичности — языка родной культуры.

-
1. Агеносов В. В. Литература русского зарубежья (1918–1996). М.: Терра спорт, 1998. 540 с.; Крадин Н.П. Харбин — Русская Атлантида. Хабаровск: Изд. Хворов А.Ю., 2001. 352 с.; Забияко А.А., Эфендиева Г.В. Меж двух миров: русские писатели в Маньчжурии (монография). Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2009. 361 с.
 2. Забияко А.А., Эфендиева Г.В. «Четверть века беженской судьбы...» (художественный мир лирики русского Харбина. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2008. 434 с.

3. *Забияко А.А., Забияко А.П., Леошко С.С., Хисамутдинов А.А.* Русский Харбин: опыт жизне-строительства в условиях дальневосточного фронта. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. 462 с., илл.
4. *И.Ф.* Эмигрантские писатели на Дальнем Востоке // Русские записки. Париж; Шанхай. 1937. № 1. С. 322–330; *Крузеништерн-Петерец Ю.В.* Воспоминания // Россияне в Азии. 1997. № 4. С. 124 —210; 1998. № 5. С. 25–83.
5. *Кормазов В.А.* Барга: Экономический очерк. Харбин: КВЖД, 1928. С. 44–51.
6. *Аргудяева Ю.В.* Русские казаки-забайкальцы в Северо-Восточном Китае // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: Исторический опыт взаимодействия культур. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. Вып. 11. С. 152–169.
7. *Тарасов А.П.* Русская национальная волость Эньхэ в Барге: поиск русскими своей национальной идентичности в приграничном Китае // Общество и государство в Китае. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2014. Т. 44, ч. 2, С. 187–208.
8. О некоторых сторонах культурной жизни трёхреченцев см.: *Кляус В.* «Русское Трёхречье» Маньчжурии: Очерки фольклора и традиционной культуры. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 416 с.
9. *Чуйков В.И.* Миссия в Китае. М., 1983. С. 26.
10. URL.: <http://halhingol.ru/sovetsko-kitayskiy-vooruzhenyuy-konflikt-na-kvzhd1929g>. 2015.
11. Например: «Между небом и землей /Поросенок рылся / И нечаянно хвостом / К небу прицепился» // *Мишка косолапый: Русские народные песенки и потешки.* М.: Стрекоза, 2008. С. 8.
12. *Несмелов А.* Собрание сочинений: В 2 т. Владивосток: Альманах «Рубеж», 2006. Т. 2. С. 482–483.
13. *[Б.И.]* День русской скорби // Гун-бао. 1929. 15 окт. № 848.
14. *Махнева А.* Так работали, так добивались победы // Сибирский энергетик. 2011. 6 мая.